

Политическая агентность детей в новой социологии детства и за ее пределами

СВЕТЛАНА ЕРПЫЛЕВА

Бременский университет, Бремен, Германия

ORCID: 0000-0003-1885-0612

<https://doi.org/10.22394/2074-0492-2023-4-8-20>

8

Рекомендация для цитирования:

Ерпылева С. (2023) Политическая агентность детей в новой социологии детства и за ее пределами. *Социология власти*, 35 (4): 8–20.

For citations:

Erpyleva S. (2023) Political Agency of Children in the New Sociology of Childhood and Beyond. *Sociology of Power*, 35 (4): 8–20.

Поступила в редакцию: 02.10.2023; принята в печать: 29.11.2023
Received: 02.10.2023; Accepted for publication: 29.11.2023

Copyright: © 2023 by the author.

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Резюме:

Статья представляет собой обзор теоретических дискуссий о детской агентности в новой социологии детства, с одной стороны, и обзор эмпирических исследований детской политической агентности — с другой. Эти две области часто обсуждают одну и ту же проблему, но рассматривают ее с разных точек зрения. Теоретики детства спорят о том, что такое детская агентность и стоит ли относиться к ее поиску критически. Некоторые из них продолжают постулировать необходимость рассматривать детей как социальных акторов, тогда как другие критикуют эту установку за внеисторичность, нормативную заряженность, упрощенное понимание агентности и субъектности. Эмпирические же исследователи политического участия детей не слишком озабочены концептуализацией самого понятия агентности, однако материалы их исследований позволяют понять, как сами дети в разных ситуациях дискурсивно конструируют свою агентность — как более прогрессивную, чем взрослая; как не отличающуюся от взрослой; как взаимосвязанную со взрослой; или даже как уступающую взрослой. Дети лишают себя агентности не на пустом месте — такое лишение может объясняться как классовыми факторами, так и факторами, связанными с особенностями социализации. Таким образом, исследования детского политического участия усиливают основания для критики «наивной» установки на поиск детской политической

агентности априори, но одновременно они ставят под вопрос возможность одного, «корректного» определения детской (политической) агентности. Обзор дискуссий и находок в обеих областях завершается формулировкой проблем и вопросов, которые исследователям детства, в том числе российским, еще предстоит решить.

Ключевые слова: детская агентность, голоса детей, политическое участие детей, политический субъект

Svetlana Erpyleva

University of Bremen, Bremen, Germany

ORCID: 0000-0003-1885-0612

Political Agency of Children in the New Sociology of Childhood and Beyond

Abstract:

The article is a review of theoretical discussions about children's agency in the new sociology of childhood, on the one hand, and a review of empirical studies of children's political agency, on the other. These two fields often discuss the same problem, but look at it from different perspectives. Childhood theorists debate what children's agency is and whether the search for it should be critical. Some of them continue to postulate the need to consider children as social actors, while others criticize this position for its ahistorical nature, normative charge, and simplified understanding of agency and subjectivity. Empirical researchers of children's political participation are not too concerned with the conceptualization of the very concept of agency, but the materials of their research allow us to understand how children themselves in different situations discursively construct their agency — as more progressive than that of an adult; as no different from an adult; as interconnected with an adult; or even as inferior to an adult. Children do not deprive themselves of agency out of nowhere; such deprivation can be explained by both class factors and factors associated with the characteristics of socialization. Thus, studies of children's political participation strengthen the grounds for criticizing the “naive” attitude to seek children's political agency a priori, but at the same time they call into question the possibility of one, “correct” definition of children's (political) agency. The review of discussions and findings in both areas ends with a formulation of problems and questions that childhood researchers, including Russian ones, have yet to resolve.

Keywords: children's agency, children's voices, children's political participation, political subject

Писать про детскую политическую агентность непросто. Каждое слово в этом словосочетании отсылает к непрекращающимся дискуссиям в соответствующих областях. Что такое «детское» и чем оно отличается от «взрослого»? Что такое «политика»? И, самое

страшное, как определить «агентность» и отличить ее от неагентности? В этой статье я не дам новые ответы на эти старые вопросы. Вместо этого я очерчу границы своего объекта другим образом: я буду писать о том, как о нем, точнее о ней, детской политической агентности, писали другие.

Теоретические дискуссии о детской агентности (в целом включая политическую) велись в области исследований детства (или новой социологии детства) с самого ее основания. В этой статье я опишу доминирующие представления о детской агентности внутри дисциплины и ее собственную внутреннюю критику этих представлений. После этого я оставляю область теоретических дискуссий и дисциплинарных манифестов и обращаюсь к эмпирическим исследованиям детской политической агентности — как последние могут обогатить эту дискуссию? Я закончу этот литературный обзор небольшим аналитическим заключением: какие вопросы все еще остаются неотвеченными и где могут найти себя начинающие (и не только) исследователи детской (политической) агентности?

10

Теоретические дискуссии вокруг детской агентности в новых исследованиях детства

Исследования детства (Childhood studies) с самого своего основания уделяли особое внимание «голосам детей». Пусть политическая агентность как таковая не слишком занимала новых теоретиков детства, агентность детей в широком смысле — их *способность* (которая не всегда претворяется в практику в том числе из-за ограничений взрослого мира) быть творцами собственной жизни — стала темой одной из ключевых дискуссий в дисциплине. Именно с нее я начну свой обзор.

Вообще сама область исследований детства, или, как ее еще называют, новой социологии детства, родилась в ответ на игнорирование многими социальными учеными «перспективы ребенка» при изучении детства. С точки зрения основателей новой социологии детства, детский мир всегда рассматривался из взрослой перспективы. Новая же социология (антропология, психология и т.п.) детства должны были этот недостаток исправить путем постулирования ребенка как агента, социального актора, творца своей собственной жизни [Alanen 1992; Bartlett 2005; Ennew 1994; Prout and James 1997; Qvortrup et al. 2009]. Признание социальной агентности за детьми как некоего почти природного качества (хотя сами исследователи, разумеется, никогда не использовали прямые отсылки к природе) стало как политическим, так и этическим базисом первых текстов внутри дисциплины [Alanen 1992; Prout and James 1997].

Согласно некоторым авторам, отдельные специфические черты детей, такие как креативность, открытость и воображение, потенциально превращают последних в «лучших» социальных агентов, чем взрослые [см., напр.: Glaser 2018]. Что касается политической агентности, новые теоретики детства также критиковали исследователей гражданского общества и протестов за то, что те либо полностью игнорируют детей, либо представляют их как активных граждан будущего, вместо того чтобы рассматривать детей как активных граждан и (политических) деятелей здесь и сейчас [см., напр.: Lister 2007]. Несмотря на то что эта ранняя гипотеза об априорном характере агентности детей была частично переосмыслена в рамках самой дисциплины (см. ниже), она встречается в относительно недавних ключевых работах в области новой социологии детства. Например, в справочнике под названием «Основные понятия в исследованиях детства», опубликованном в 2012 году, Джеймс и Джеймс [2012: 22] пишут: «Идея того, что детей можно рассматривать как независимых социальных акторов, лежит в основе новой парадигмы изучения детей и молодежи».

Тем не менее вместе с развитием самой дисциплины новой социологии детства (которая в скором времени перестала быть такой уж новой) стала развиваться и обретать популярность критика представлений о детской агентности как априорной, почти что природной характеристики детскости (подробнее о переосмыслении доминирующих идей ранней социологии детства см. [Серебряков 2022]). Уже в 2012 году Кэй Тисдалл и Саманта Панч опубликовали статью с говорящим названием «Не такая и новая? Смотрим критически на исследования детства» [Tisdall, Punch 2012]. В ней, кроме всего прочего, они заявили, что установка на распознавание и акцентирование агентности детей и призывы уважать и ценить детские голоса стали одной из некритически воспроизводимых мантр дисциплины [Там же]. Эту критику стали подхватывать и другие авторы. Такая установка, говорили они, является принципиально внеисторической и внесоциальной — как будто бы «детства» разных исторических периодов и общественных устройств не отличаются друг друга, в том числе и степенью «агентности», воспитываемой в детях [Esser et al. 2016; Baader 2016]. В то время как социальная теория в целом прощает с субъектом, пытается его децентрализовать, новые исследования детства как будто застревают в прошлом или опаздывают — и пытаются, наоборот, перевозносить субъекта [Prout 2005]. Более того, видение детей как агентов априори на самом деле нормативно заряжено: оно основано на специфичных для западного мира ценностях автономии и прав. Эти ценности при этом представляются вовсе не как ценности, а как некая универ-

сальная характеристика детства [Lancy 2012; Coffey, Farrugia 2014; Tisdall, Punch 2012].

Есть с этой установкой и сугубо теоретическая проблема, связанная с концептуализацией агентности. Когда новые исследователи детства говорят о детской агентности как априорной характеристике, они, по сути, имеют в виду агентность как качество автономного, самодостаточного субъекта, сопротивляющегося власти. Нам же давно известно, однако, что субъект рождается через отношения власти или что агентность может быть коллективной, относительной, может возникать из сложной сети взаимозависимостей, «осуществляемой через сочетание различных взаимосвязанных лиц и вещей» [Raithelhuber 2016: 136; Prout 2005; Prout 2011; Coffey, Farrugia 2014]. Иными словами, ранняя (но до сих пор популярная) установка новых исследований детства игнорирует находки современной социальной теории.

Наконец, критики также отмечают, что детская агентность не должна рассматриваться исследователями как что-то по определению позитивное и желаемое всеми детьми. Дети должны «иметь возможность не претендовать на то, чтобы быть агентами» [Tisdall, Punch 2012: 256; Vordonago, Payne 2012].

12

При этом, казалось бы, если дети и подростки самостоятельно участвуют в политике, то они по определению демонстрируют свою агентность (то есть способность в одиночку или коллективно влиять на мир вокруг себя) как некоторое желаемое, позитивное качество. Действительно, если дети вышли на протест или объединились в движение — разве они не становятся активными субъектами действия, несущими изменения в общество? Тем не менее эмпирические исследования детского политического участия показывают, что политически активные подростки могут дискурсивно конструировать свою собственную агентность очень по-разному, иногда даже и вовсе (например, стратегически) лишая себя агентности. Ниже я расскажу про ключевые исследования детского политического участия, фокусируясь на том, что эти исследования сообщают нам о детской политической агентности.

Детская агентность в эмпирических исследованиях политического участия детей

Участники детских политических движений могут, безусловно, презентовать себя в точном соответствии с ранней установкой новых исследований детства: как обладающих агентностью априори или даже как тех, кто является в чем-то лучшими политическими акторами, чем взрослые. Один из примеров такой риторики внутри детского политического движения (или, по крайней мере, движения,

презентующего себя как в первую очередь детское — хоть и состоящее по факту как из несовершеннолетних, так и из совершеннолетних молодых людей) — это риторика международного климатического движения «Пятницы за будущее» (Fridays for Future). Она включает в себя три элемента. Во-первых, согласно молодым климатическим активистам, именно сегодняшние дети сильнее всего пострадают от изменений климата в будущем, а значит, именно дети имеют большее право на политическое действие, агентность, чем взрослые. Во-вторых, поскольку взрослые отказываются взять ответственность за климатический кризис, эту ответственность — через политическое действие — берут на себя дети. В-третьих, дети сами по себе более искренние и открытые новому, чем взрослые, а значит, они лучше приспособлены для того, чтобы проблематизировать аспекты реальности, кажущиеся взрослым непроблематичными, — и таким образом выдвигать политические требования [Holmberg and Alvinus 2020; Han, Ahn 2020; Erpyleva 2020].

Исследование несовершеннолетних участников курдских протестов в Турции, проведенное Хайдаром Дариси, обнаруживает в чем-то похожий принцип, в соответствии с которым молодые протестующие представляют свою агентность. Дариси взял интервью у детей, которые, как и взрослые, участвовали в курдских протестах против турецкого правительства в 2006 и 2008 годах. Но именно дети, не взрослые, привлекли огромное внимание как турецких, так и курдских СМИ. Турецкие медиа описывали несовершеннолетних протестующих как невинных жертв манипуляций курдских взрослых, тогда как курдские медиа презентовали их как иррациональных акторов, с которыми турецкому правительству придется иметь дело, если они продолжат отказываться от рационального диалога с курдскими взрослыми политическими лидерами. Сами же дети, вышедшие на протесты, которых удалось проинтервьюировать Дариси, ассоциировали свою «детскость» с радикализмом, необходимым для политики и отсутствующим у взрослых. «Взрослая политика, — говорили информанты Дариси, — основана на диалоге с государством-агрессором, наша же, детская политика отказывается вести такой диалог». Иными словами, эти дети конструировали свою агентность как особенную, отличную от взрослой, как доступную только им, детям [Dağıcı 2013].

Делая акцент на некоторых позитивных для политики чертах, которыми они обладают именно как дети, а не взрослые, политически активные дети при этом часто сопротивляются романтизации их борьбы взрослыми. Например, в своем исследовании женского подросткового активизма в США и Латинской Америке Джессика Тафт обнаруживает, что ее молодые информантки (как и активисты «Пятниц для будущего», и несовершеннолетние курдские протестующие)

ствующие) настаивали на том, что они как дети могут предложить политике что-то, чего нет у взрослых. Они, в отличие от взрослых, обладают лучшим видением специфических молодежных проблем и решений, в большей степени открыты новому, еще не потеряли способность мечтать и могут бороться без страха. Эти же девушки, однако, сопротивлялись романтизации их активизма взрослыми: наш политический активизм, — говорили они — вовсе не «милый», и мы не «исключительные молодые люди», мы просто делаем ту же самую работу, которую делают и взрослые активисты [Taft 2011].

Аналогичным образом презентуют свою агентность политически активные школьники, выходцы из белого среднего класса из Портленда, США, чья деятельность описана в книге Хавы Гордон «Мы боремся для того, чтобы выиграть» [Gordon 2010]. С одной стороны, они чувствуют силу (empowerment) в том, что сумели построить движение без участия и даже помощи взрослых; их движение состоит целиком и полностью из школьников — и в этом смысле они противопоставляют себя взрослым. С другой стороны, они не считают, что являются в чем-то лучшими политическими акторами, чем взрослые, они всего лишь настаивают, что могут организовать и заниматься политикой ничуть не хуже взрослых [Gordon 2010].

14

Конструирование агентности детскими политическими группами также может быть подвижным, может меняться со временем и в зависимости от обстоятельств. Такой процесс описан в исследовании Евгения Казакова, посвященном движению школьников в Западной Германии в 1960–1970-е годы. В середине 1960-х, показывает Казаков, политически активные школьники противопоставляли себя не только взрослым, но даже дружественному студенческому движению: они рекламировали свою «детскость», свою «юность» и радикализм как уникальные качества, свойственные только активизму школьников. Однако после 1969 года их риторика изменилась: они стали говорить о своей борьбе как о рациональной, взрослой борьбе, являющейся частью левой политики в целом [Казаков 2010]. В моем собственном исследовании участия подростков во «взрослых» демократических протестах в авторитарной России я обнаружила, что презентация себя как менее опытных помощников взрослых, характерная для протестов 2011–2013, годов сменяется представлением о себе как о полноценных, не отличающихся от взрослых активистов в 2017–2020 годы [Erpyleva 2021]. Так или иначе, множество примеров выше демонстрируют, что, несмотря на популярность в ранних исследованиях детства, понимания, романтизирующего детскую агентность и приписывающего ей особенные (по сравнению со взрослой агентностью) черты, сами политически активные дети и подростки могут сопротивляться такому взгляду.

Мы помним, что внутри новой социологии детства со временем родилась критика этой ранней и «наивной» установки на поиск и определение детской агентности. Среди прочего, как я отмечала выше, критики ставили под вопрос само упрощенное понимание агентности. Агентность, говорили они, может быть не только индивидуальной, но и коллективной, или относительной (relational), то есть рожденной из цепи взаимоподдержки и взаимозависимостей между группой людей и даже вещей [Raithelhuber 2016; Prout 2005; Prout 2011; Coffey, Fatuglia 2014]. В эмпирических исследованиях детского активизма можно найти примеры подобного конструирования агентности. Один из них — это представления о детской агентности внутри «Движения работающих детей», описанного Джессикой Тафт в книге «Дети у руля» (Kids are in charge) [Taft 2019]. Вообще это движение, состоящее как из детей-активистов, так и из взрослых-помощников, презентует себя как движение, которым управляют именно дети. Несмотря, однако, на приверженность всех участников этому взгляду, как совершеннолетним, так и несовершеннолетним членам движения бывает сложно опрокинуть с ног на голову традиционные властные отношения между ребенком и взрослым, где взрослые командуют, а дети подчиняются. Именно поэтому детям, для того чтобы стать полноценными лидерами, нужна, согласно движению, помощь взрослых и старших детей-активистов. Каждый ребенок обладает способностью к политическому действию, но только в среде других детей-активистов и взрослых помощников эта способность может развиваться и внести вклад в коллективную агентность движения [Taft 2019].

15

Другой пример — это конструирование детской агентности американским подростковым движением «Власть молодых» (Youth power), состоящим из черных подростков из бедных семей. Это движение, как пишет Хава Гордон, смогло построить коллективное представление о подростковой агентности как основанной на лидерстве молодых при поддержке взрослых союзников, а не на автономии детей от взрослых [Gordon 2010]. На подобной связи, взаимоподдержке и взаимозависимости между детьми и взрослыми строится идеология некоторых советских детских движений, например, коммунарского движения в 1960-е [Димке 2021].

Парадоксальным образом политически активные подростки могут лишать себя агентности — впрочем, чаще всего (но не всегда!) они делают это стратегически. Уже упоминавшееся выше движение школьников, выходцев из среднего класса из американского Портленда, иногда, согласно Гордон, не сопротивляется инфантилизирующим их репортажам в медиа. Эти репортажи описывают их борьбу против сокращения школьных уроков в результате неолиберальных реформ в умиленном тоне: посмотрите, мол, на этих

прекрасных, но грустных деток, которые всего лишь хотят учиться! Активисты-школьники даже подыгрывают этому нарративу, понимая, что таким образом они завоюют больше симпатий взрослых политиков [Gordon 2010]. Ниал Нэнс-Кэрролл называет такой тип детей-активистов «child enforcers»: они, будучи политически активными, нацелены при этом на сохранение уникального статуса детей, убеждая взрослых в том, что дети нуждаются в особой защите [Nance-Carroll 2021].

Лишение самих себя (части) политической агентности со стороны детей-активистов не всегда бывает стратегическим. Дети и подростки могут быть политически активными, но при этом подчиняться традиционным для взрослого общества властным отношениям между детьми и взрослыми. Когда Лучия Рабелло де Кастро изучала участие школьников в школьных парламентах в Бразилии, она обнаружила, что так называемое «консервативное участие» является среди них наиболее популярным. Многие школьники-активисты считают своей главной целью помогать взрослым, поскольку именно такой является задача «хорошего ученика» [de Castro 2012].

16

Лишение самих себя агентности, конечно, происходит не на пустом месте. Например, оно может носить классовый характер. Нина Элиазоф изучала молодежное волонтерство в США, в котором принимали участие как белые подростки из среднего класса, так и цветные подростки из бедных семей. Элиазоф показывает, что если первые считают себя теми, кто несет изменения в мир (то есть агентами этих изменений), то вторые полагают, что они сами являются «социальной проблемой», которую взрослые, вовлекая их в волонтерство, пытаются решить [Eliason 2011]. Лишение самих себя агентности может быть связано с политическим контекстом. Так, в своем исследовании протестного участия подростков в России я сравниваю два периода, в оба из которых происходили массовые протесты, привлекавшие в том числе школьников. Я показываю, что юные участники протестов первого периода, 2011–2013 годов, выросли в обществе, в котором политика почти не имела шансов попасть в жизни обычных детей. Эти подростки политизировались резко, в течение нескольких месяцев до выхода на протесты, и, уже протестуя, продолжали чувствовать себя неуверенно в публичной сфере, уступая руководство более опытным взрослым. Те же, кто вышли на протесты в 2017 году и позже, выросли в более политизированном обществе и начали увлекаться протестной политикой за несколько лет до непосредственного участия в ней. За это время они приобрели уверенность в своих силах и компетенциях и ощущали себя ничем не отличающимися от взрослых активистов [Egryeva 2021].

Заключение

Итак, исследования детства, или новая социология детства, в момент своего рождения настаивала на необходимости всегда слышать и уважать голоса детей, и рассматривать последних как социальных агентов по определению. Впрочем, вскоре внутри дисциплины появились критические высказывания в адрес этой установки (иногда — от ее же ранних поклонников), и со временем этих голосов становилось все больше. Параллельно эмпирические исследования, в частности исследования детского политического участия, усиливали основания для такой критики, но одновременно ставили под вопрос возможность одного, «корректного» определения детской (политической) агентности. Они показывали, что сами дети могут конструировать свою политическую агентность очень разными способами. Агентность в их риторике и представлении о себе возникает как агентность автономных, самостоятельных индивидов; как агентность, вытекающая из специфически детских черт, отсутствующих у взрослых; как агентность, являющаяся результатом сети взаимозависимостей и взаимоподдержки между детьми и взрослыми; и даже как нечто, чем сами дети, в отличие от взрослых, не обладают. Иными словами, даже в сфере политического участия политическая агентность далеко не всегда приписывается самим себе детьми-активистами. Означает ли это, что все загадки решены и тем, кто интересуется политической агентностью детей, следует заняться чем-то другим?

17

Не совсем. Во-первых, несмотря на активно развивающуюся критику ранней «наивной» установки новой социологии детства, предписывающей рассматривать детей как социальных акторов и агентов априори, последняя все еще доминирует в дисциплине. Международные конференции, посвященные исследованиям детства, — лучшая иллюстрация этого тезиса.

Во-вторых, теоретическая критика «наивной» установки внутри новой социологии детства и эмпирические исследования, в частности исследования политического участия детей, существуют отчасти в непересекающихся плоскостях. Последние редко концептуализируют агентность напрямую (пересказ таких исследований выше — моя попытка посмотреть на них с целью увидеть разные подходы к политической агентности), а первые редко обращаются к эмпирическим данным (не считая кратких иллюстраций своих тезисов результатами чужих исследований). Иными словами, кажется, в дисциплине существует нехватка теоретически продуманных, но одновременно эмпирически фундированных исследований детской политической агентности.

В-третьих, несмотря на большое количество эмпирических исследований детской агентности и активно ведущуюся теоретическую дискуссию о ней, некоторые важные вопросы до сих пор остаются не решенными. В частности, различные виды дискурсивного конструирования агентности самими детьми за редкими исключениями [например: Gordon 2010; Eliasoph 2011; Egruleva 2021]) не сравниваются друг с другом и, соответственно, непонятно, почему дети прибегают то к одному, то к другому.

Наконец, в-четвертых, как теоретические дискуссии о детской агентности, так и эмпирические исследования детского политического участия основаны по большей части на данных и примерах из демократических стран Запада и Латинской Америки, тогда как ситуация в недемократических режимах знакома нам гораздо меньше. В общем, российским исследователям, интересующимся детской политической агентностью, все еще есть где развернуться.

Библиография / References

18

Димке Д. (2021) *Незабываемое будущее. Советская педагогическая утопия 1960 годов*. М.: Common Place.

— Dimke D. (2021) *An unforgettable future. Soviet pedagogical utopia of the 1960s*. М.: Common Place. — in Russ.

Казакوف Е. (2010) Управляя собой. Движение западногерманских школьников за самоуправление, 1960-е годы. *Неприкосновенный запас*, 72(4): 104-15.

— Kazakov E. (2010) Managing yourself. West German schoolchildren's home rule movement, 1960s. *Neprikosnovennyi Zapas*, 72(4): 104-15. — in Russ.

Серебряков А. (2022) Ребенок в мире агентов и структур: об антиномиях исследований детства. *Социология власти*, 34(3-4): 29-49. doi: 10.22394/2074-0492-2022-4-29-49

— Serebryakov A. (2022) The child in the world of agents and structures: on the antinomies of childhood research. *Sociology of Power*, 34(3-4): 29-49. doi: 10.22394/2074-0492-2022-4-29-49 — in Russ.

Alanen L. (1992) *Modern Childhood?: Exploring the Child Question in Sociology*. Jyväskylä: University of Jyväskylä.

Baader M. (2016) Tracing and contextualising childhood agency and generational order from historical and systematic perspectives. In Esser F., Baader M., Betz T., and Hungerland B. (eds.). *Reconceptualising agency and childhood. New perspectives in Childhood Studies*. London and New York: Routledge. P. 177-195.

Bartlett S. (2005) Good Governance: Making Age Part of the Equation — An Introduction. *Children, Youth and Environments*, 15(2): 1-17. <https://www.jstor.org/stable/10.7721/chilyoutenvi.15.2.0001>

Bordonaro L. and Payne R. (2012) Ambiguous agency: critical perspectives on social interventions with children and youth in Africa. *Children's Geographies*, 10(4): 365-372. <https://doi.org/10.1080/14733285.2012.726065>

Coffey J. and Farrugia D. (2014) Unpacking the black box: the problem of agency in the sociology of youth. *Journal of Youth Studies*, 17(4): 461-474. <https://doi.org/10.1080/13676261.2013.830707>

De Castro L. R. (2012) The “Good-Enough Society”, the “Good-Enough Citizen” and the “Good-Enough Student”: Where Is Children’s Participation Agenda Moving To in Brazil? *Childhood*, 19(1): 52-68. <https://doi.org/10.1177/0907568211402525>

Darıcı H. (2013) “Adults See Politics as a Game”: Politics of Kurdish Children in Urban Turkey. *International Journal of Middle East Studies*, 45: 775-790. <https://doi.org/10.1017/S0020743813000901>

Eliasoph N. (2011) *Making Volunteers: Civic Life after Welfare’s End*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Erpyleva S. (2020) *Children changing politics*. Baltic Rim Economies. February 28. Available at <https://sites.utu.fi/bre/children-changing-politics/>

Erpyleva S. (2021) Active Citizens Under Eighteen: Minors in Political Protests. *Journal of Youth Studies*, 24(9): 1215-1233. <https://doi.org/10.1080/13676261.2020.1820973>

Esser F., Baader M., Betz T., and Hungerland B. (2016) Reconceptualising agency and childhood. An introduction. In Esser F., Baader M., Betz T., and Hungerland B. (eds.). *Reconceptualising agency and childhood. New perspectives in Childhood Studies*. London and New York: Routledge.

Glaser A. (2018) *The Liberation of Young People*. Ph.D. thesis, University of North Carolina at Chapel Hill.

Gordon H. (2010) *We Fight to Win. Inequality and the Politics of Youth Activism*. New Brunswick, NJ, and London: Rutgers University Press.

Han H. and Ahn S. W. (2020) Youth Mobilization to Stop Global Climate Change: Narratives and Impact. *Sustainability*, 12(10): 4127. <https://doi.org/10.3390/su12104127>

Holmberg A. and Alvinus A. (2020) Children’s Protest in Relation to the Climate Emergency: A Qualitative Study on a New Form of Resistance Promoting Political and Social Change. *Childhood*, 27(1): 78-92. <https://doi.org/10.1177/0907568219879970>

James A. and James A. (eds.) (2012) *Key Concepts in Childhood Studies*. Los Angeles, London: SAGE.

Lancy D. (2012) Unmasking Children’s Agency. *AnthropoChildren*, 1(2): 1-20. <https://popups.uliege.be/2034-8517/index.php?id=1253>.

Lister R. (2007) Why Citizenship: Where, When and How Children? *Theoretical Inquiries in Law*, 8(2): 693-718. <https://doi.org/10.2202/1565-3404.1165>

Nance-Carroll N. (2021) Children and Young People as Activist Authors. *International Research in Children’s Literature*, 14(1): 6-21. <https://doi.org/10.3366/ircl.2021.0374>

Prout A. (2005) *The Future of Childhood. Towards the interdisciplinary study of children*. London and New York: Routledge.

Prout A. (2011) Taking a Step Away from Modernity: reconsidering the new sociology of childhood. *Global Studies of Childhood*, 1(1): 4-14. <https://doi.org/10.2304/gsch.2011.1.1.4>

Prout A., James A. (1997) A New Paradigm for the Sociology of Childhood? Provenance, Promise and Problems. In Prout A., James A. (eds.). *Constructing and Recon-*

structuring Childhood: Contemporary Issues in the Sociological Study of Childhood. London, Washington (DC): Falmer Press. P. 7-32.

Raithelhuber E. (2016) Extending agency: the merit of relational approach for Childhood studies. In: Esser F., Baader M., Betz T., and Hungerland B. (eds.). *Reconceptualising agency and childhood. New perspectives in Childhood Studies*. London and New York: Routledge. P. 126-141.

Qvortrup J., Corsaro W., and Honig M. S. (2009) Why Social Studies of Childhood? An Introduction to the Handbook. In: Qvortrup J., Corsaro W., and Honig M. S. (eds.). *The Palgrave Handbook of Childhood Studies*. London: Palgrave Macmillan. P. 1-17.

Taft J. (2011) *Rebel Girls. Youth Activism and Social Change Across the Americas*. New York and London: NYU Press.

Taft J. (2019) *The Kids Are in Charge. Activism and Power in Peru's Movement of Working Children*. New York: NYU Press.

Tisdall K. and Punch S. (2012) Not So "New"? Looking Critically at Childhood Studies. *Children's Geographies*, 10 (3): 249-264. <https://doi.org/10.1080/14733285.2012.693376>

Светлана Ерпылева — PhD по социальным наукам университета Хельсинки; исследовательница в Лаборатории публичной социологии и постдок в Центре исследований Восточной Европы Бременского университета. Научные интересы: общественные движения, коллективное действие, политическое вовлечение, социализация, политическое участие и мышление несовершеннолетних в России; восприятие войны в России. ORCID: 0000-0003-1885-0612. E-mail: yerpylovas@gmail.com

20

Svetlana Erpyleva — PhD in Social Science from the University of Helsinki; a researcher with Public Sociology Laboratory and a post-doctoral researcher at Research Centre for East European Studies, University of Bremen. Research interests: protest movements, collective action, political involvement, political socialization, youth and children's political participation in Russia and abroad, perception of war in Russia. ORCID: 0000-0003-1885-0612. E-mail: yerpylovas@gmail.com